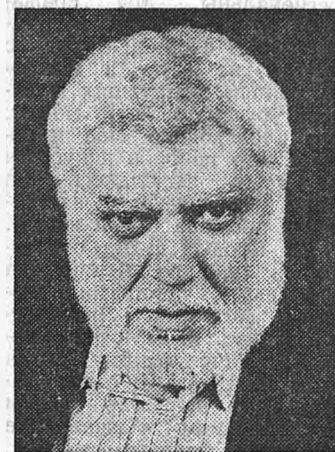

Хорен Абрамян,
народный артист СССР:

БЕЗ ЗРИТЕЛЯ НЕТ ИСКУССТВА

С известным актером театра и кино Хореном Абрамян-ом мы встретились на XVII Всесоюзном кинофестивале в Киеве. Это была не первая наша встреча — мне посчастливилось наблюдать Хорена Бабкеновича на съемочной площадке, а площадкой было... Страшное ущелье — так звучит в переводе с армянского название селения Ахнидзор, где велась съемки фильма «Хозяин». Нечасто приходится так близко наблюдать актера в работе и вокруг нее.

Там, в Ахнидзоре, среди неожиданного армянского снега, он был веселый, щедрый на шутку — он казался типичным крестьянином. А здесь сейчас он был абсолютно городским человеком: все время, пока мы беседовали, в комнате приглушенно работал телевизор.

— Я люблю смотреть телевизор, самые простые передачи — о детях, цветах, зверях...

Абрамян создал на экране десятки образов героев, и среди них такие масштабные работы, как в «Братьях Сароянах» или «Хронике ереванских дней» (а до этого в «Первом ошелоне», «Высоте» в Москве). И нынешняя, очень серьезная работа в «Хозяине», за которую он удостоен диплома Всесоюзного фестиваля. А начиналось все с бурного успеха в картине «Песня первой любви», Абрамян сразу стал кумиром публики. Но от кумира до актера дистанция оказалась огромного размера.

— Хорен Бабкенович, многие наши молодые «звезды» вступают в искусство столь же ярко и бурно, как и вы, по немногочисленным к сожалению, в нем остаются столь надолго. Не для каждого, естественно, переход к острохарактерным, драматическим ролям оказывается органичен, но только ли в силу специфики актерского дарования?

— Надо, вероятно, говорить о масштабе роли. Он, этот масштаб, поднимает до себя актера, делает актера актером. И об этом снова напоминало нам новое постановление партии и правительства по вопросам кино. Много еще, слишком много зрительных фильмов, которые создаются вроде бы в надежде на зрителя и на успех. Но, честное слово, я иногда размышляю: неужели их создатели считают зрителей глупее себя?

— Но вам, кажется, обижаться не приходится? Вы за свою жизнь сыграли самые разные роли. И, кстати, Всесоюзный фестиваль не раз был благосклонен к вам. Я вспоминаю,

как вы были удостоены приза за лучшую роль в фильме...

— Фрунзе Довлатяна «Живите долго». Да, это была самая маленькая роль в моей жизни — всего одно появление на экране, а характер человека, чрезвычайно активного в устройстве собственных дел, должен был проявиться в этом одном эпизоде.

— И вы играли роли очень простые, скажем, популярного певца в той же «Песне первой любви», и в чем-то даже нарочито усложненные, как в «Хронике ереванских дней» Довлатяна. За какое же кино вы лично и что думаете в этом смысле о проблеме «Кино и зритель».

— Что без зрителя нет ни кино, ни театра, ни искусства вообще. Искусство высоко, но оно не может быть выше зрителя, а кино особенно. Зрителя надо брать с собой туда, на высоту. Как? — другое дело, это и есть вопрос вопросов. Но кино и зритель, театр и зритель — сообщающиеся сосуды. Мы как-то в Театре имени Сундукяна ставили спектакль, и нам говорили, что он слишком сложный, но мы видели, как от представления к представлению менялся и спектакль, и зритель вместе с ним, как мы приспосабливали спектакль, приносивали к зрителю, а он рос и взрослел вместе со спектаклем.

В искусстве все высокое просто. Что может быть проще Эйзенштейна, «Чапаева», Чаплина?

Есть, конечно, картины, где автор сложно сочиняет, потому что сложно мыслит. Но есть сложность, а есть нарочитая усложненность. Бетховен и Чайковский, кажется, так просто, что, думается, и я мог бы так, вот в чем секрет.

На фестивале в Киеве я тоже часто размышляла на эти темы, смотря разные фильмы. Слишком еще многие режиссеры, актеры озабочены тем: а что обо мне подумают? В искусстве так не должно быть. Честное слово, играя «Хозяина», я забывал о камере. Поэтому, наверное, и люблю по ТВ документальные передачи о жизни, съемки врасплох, на улице. Они дают нам точный камертон правды.

— Какие еще впечатления, мысли возникают у вас о нынешних фильмах, актерах?

— Многих актеров отмечаю и люблю. Вот, скажем, Олег Янковский. Он для меня удивительно раскрылся в последнее время, в нем меня увлекает сочетание простоты и высокого артистизма. Я смотрел «Кинопанораму», и там один актер

с увлечением рассказывал, как он прыгает с парашютом. Оказывается, он готовится играть парашютиста. Прекрасно! Но мне всегда казалось, что это не главное, о чем должен думать актер. С парашютом за тебя может прыгнуть и другой — нет, конечно, прекрасно, если прыгнет сам актер, но мы чересчур увлеклись этим — научился водить машину, трактор, управлять краном, работать на станке... Но актер-то прежде всего думать должен! Этого за него не сделает никто другой! А прыгать там, скакать — это ведь азы профессии, нам же нужна высшая математика.

Вот я снимался в «Хозяине» в роли лесника. Вы не поверите, за свою жизнь я был в лесу, ну, несколько минут, у нас в Армении все больше голые горы, но дело даже не в этом. Я просто сугубо городской человек, люблю вид из окна, телевизор, письменный стол и шум с улицы. Он мне не мешает, напротив, если бы он исчез, я бы, наверное, удивился, даже испугался. Наверное, не смог бы работать. А здесь, когда мы снимали в Ахнидзоре, — сплошная, убийственная (так мне казалось поначалу) тишина! Просто не знал, куда деваться. А надо было жить жизнью моего героя, для которого эта тишина полна звуков, полна смысла — здесь даже хруст сломанной ветки, шум крыльев птицы должен быть услышан.

Картина вам может понравиться или не понравиться, одного вы не скажете — что я никогда не был в лесу.

— Но сегодня говорят, что в кино слишком мало уделяется внимания вещественной, бытовой стороне жизни, что актеры играют своих героев без среды, без профессии. И зритель не хочет верить ни в таких людей, ни в то, что они говорят с экрана.

— Я не уверен, что Бабочкин, играя «Плотнички» рассказы, изучал эту профессию, бывал в деревне. То есть он, конечно, там бывал и, наверное, видел, как работают плотники, но он никогда не стал бы делать этого специально. Это азы профессии, насмотренность жизни уже заложена, должна быть заложена в труде актера, иначе нечего ему здесь и делать. Но мышление в образе, стремление сопереживать с современником, с днем сегодняшним — таких проблем ведь не решишь хорошим вождением трактора или ездой на лошади.

Время сегодня очень нелег-

кое, очень тревожное — я все время думаю об этом.

Мы часто, думая о настоящем и будущем, вспоминаем прошлую войну. Были прекрасные фильмы, были прекрасные песни. «Темная ночь», например. А когда я слышу иные современные песни, то задумываюсь иногда: что за люди их пишут? Любили ли они когда-нибудь мать, цветы, женщину, детей? Такое ощущение, что нет. Написать песню, сочинить книгу — это так просто. Под рукой есть бумага, перо, все остальное. Но как сделать так, чтобы ты написал, а где-то там, далеко, зазвенело, отозвалось, услышалось?..

Волнует и другое. Мы действительно сегодня во многом одинаково живем, работаем. Дома наши похожи, квартиры, даже слишком. А люди разные. И вот я смотрю — в каждом фильме есть муж и жена, братья и сестры, отец и мать, их дети. Но почему нет правды таких простых, всем понятных отношений? Например, муж и жена, но я не чувствую, что это муж и жена, а так — два человека рядом. Вещи самые простые и понятные — они самые трудные.

— Случались ли у вас в жизни встречи с такими людьми, которые западали в душу, которых бы хотелось потом сыграть?

— Да вот здесь, в Киеве, познакомился с одним секретарем райкома. Чувствуется, каждого он знает в лицо. Удивительно современный, разносторонний человек. Есть в нем такая хорошая озабоченность. Не хочет казаться умным, все понимающим, все могущим — чужую беду руками разведу, нет в нем этого привычного всеведения. Он не играет руководителя, а просто руководит — вот в чем дело.

Я вспоминаю «Твой сын, Земля». Не могу сказать, что мне фильм нравится — во всем, но героем своим — безусловно. В нем тоже есть замечательная черта — он не стремится быть руководителем, он просто руководит. Очень важно, когда через роль можно говорить о чем-то тебе лично глубоко касающемся, к сожалению, такой материал нечасто попадается...

...Телевизор, который был включен и что-то показывал все время, пока мы беседовали, на этот раз огласился рыком зверей, шипением змей. Какое-то время мы молча наблюдали картины нетронутой природы.

— Обратите внимание, — заметил Абрамян, — гiena у

вается рядом с зеброй, газель — со львом, антилопа — с шакалом. Какая гармония, или это только кажется? Да нет, мы знаем, что в дикой природе без нужды никто никого не убивает. Недавно показали любопытный эпизод о серпентарии. После того как змея даст определенное количество яда, ее выпускают на волю — человек заботится о природе, его окружающей. И в то же время на том же телеэкране мы каждый день, каждый час смотрим зарубежную хронику — убийства, казни, пытки, осиротевшие дети, осиротевшие матери, сожженные дома, селения, чуть не целые города... Вот мы льем слезы над судьбой какого-нибудь брошенного матерью слоненка, а где-нибудь совсем недалеко от нас, на берегу прекрасного Средиземного моря, тяжелые снаряды разрушают целые деревни. Не снижается ли наш порог чувствительности? И как в этом случае должно существовать искусство? Говорят, что оно тоже должно стать более жестким, аскетичным, чернотелым, что ли. Но не уйдет ли из него тогда красота? Не уйдет ли надежда?

Так, на телевизионной волне, и началась, и закончился наш разговор. Странно, но все время включенный телевизор не мешал, а словно аккомпанировал нашей беседе, задавал ей своеобразный камертон.

— Вы знаете, это действительно так. Когда смотришь на телеэкране прямые передачи, видишь людей, подсмотренных камерой, просто толпу, движущуюся по улице, или хорошие документальные ленты, где схвачен кусок живой жизни, разве такая видимая повседневно — не лучший тренинг для актера? Хорошую хронику всегда смотришь как драму, за каждым человеческим лицом угадывается характер. И — тайна. Без этого нет личности. Почему один отличается от другого? В чем загадка судьбы, биографии?

На такой философской ноте закончилась эта встреча.

Беседу вела
В. ИВАНОВА.